

№ 4.
1945

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 1945

ВЫПУСК

IV/XX

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
Москва - 1946

МАЙ 2008

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР	3
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР	6
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	24

Редактор *В. П. Усков.*

Цена 1 р. 30 к.

Подписано к печати 27/VII 1946 г. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,83 В печ. л. 70430 знаков
 А09770 Зыказ 869 Тираж 25000 экз.

Набрано в типографии «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ
 «Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.

Отпечатано в типографии Углетехиздата Минзападугля Москва, Елецкий пер., 7.

РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. О дополнении постановления Пленума Верховного суда Союза ССР от 30 августа 1941 г. «О производстве по гражданским делам в отношении лиц, состоящих в действующих частях Красной Армии и Военно-Морского Флота»

Постановление от 29 июня 1945 г. № 9/5/у.

Пленум Верховного суда СССР постановляет дополнить постановление Пленума Верховного суда СССР от 30 августа 1941 г. № 38/18/у «О производстве по гражданским делам в отношении лиц, состоящих в действующих частях Красной Армии и Военно-Морского Флота» п. 5 следующего содержания:

В тех случаях, когда по делу о взыскании алиментов с военнослужащих, указанных в п. 3 настоящего постановления, ответчик состоит с матерью ребенка в зарегистрированном браке и записан в книгах записей актов гражданского состояния отцом ребенка, суд одновременно с приостановлением производства по делу, в соответствии со ст. 113 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик, должен в порядке статьи 50 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующих статей этих кодексов других союзных республик вынести определение о возложении на ответчика обязанности временно до разрешения дела нести расходы по содержанию детей. Размер подлежащих в этих случаях взысканию с ответчика сумм на содержание детей устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела, или в определенной денежной сумме ежемесячных платежей или в процентном отношении к денежному содержанию ответчика. На основании вынесенного судом определения народный судья немедленно выдает истце исполнительный лист, который может быть направлен истцей к исполнению в порядке п. 4 настоящего постановления.

В отношении исков матерей о взыскании алиментов на содержание детей, родившихся до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. от лица, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, но ответчик записан в качестве отца ребенка в книгах записей актов гражданского состояния (ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г.), — указанный в статье 50 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующих статьях этих кодексов других союзных республик порядок взыскания с ответчика расходов на содержание детей применяется лишь в тех случаях, когда по делу представлены бесспорные доказательства того, что ответчик ранее воспитывал ребенка или давал матери средства на его содержание.

2. О возможности освобождения от взыскания возмещения ущерба лиц, освобожденных от наказания в силу примечания 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Постановление от 29 июня 1945 г. № 9/6/у

В судебной практике возник вопрос, связанный с возмещением ущерба, причиненного государству по делам о злоупотреблениях и недостачах продоволь-

ственных и промышленных товаров, при освобождении осужденного от отбытия наказания со снятием судимости, как искипившего свою вину в боях за Родину.

В связи с этим Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

1. При вынесении судом определения об освобождении от наказания со снятием судимости в отношении лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, — суд вправе также обсудить вопрос об освобождении осужденного от уплаты невзысканной с него суммы.

2. В случае смерти осужденного, направленного в действующую армию в порядке примечания 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, следуемые с него суммы взысканию не подлежат, о чем суды дают указание соответствующим органам.

3. О порядке установления факта усыновления после смерти или пропажи без вести на фронте усыновителя или усыновленного, если при их жизни усыновление не было оформлено

Постановление от 29 июня 1945 г. № 9/7/у

В практике возник вопрос о порядке оформления усыновления в тех случаях, когда усыновленный или усыновитель погиб или пропал без вести на фронте, а усыновление не было своевременно оформлено.

В связи с этим Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

1. Вопрос об установлении факта усыновления после смерти или пропажи без вести на фронте усыновителя — военнослужащего или усыновленного военнослужащего, если при их жизни усыновление не было оформлено надлежащим образом, разрешается судом в порядке, предусмотренном ст. ст. 191—193 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. В заявлении должно быть указано, для какой цели необходимо установить факт усыновления, например, для получения пенсии, вследствие смерти кормильца, получения наследства и пр. В качестве заинтересованных лиц по таким делам должны вызываться в судебное заседание представители соответствующих ведомств (военного, финансового и других), а в подлежащих случаях — лица, заинтересованные в исходе дела (например, наследники умершего и пр.).

2. Постановление 35 Пленума Верховного суда СССР от 27 октября 1931 г. «О порядке признания судом факта усыновления после смерти усыновителя — военнослужащего» — считать утратившим силу.

4. О порядке установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан

Постановление от 29 июня 1945 г. № 9/8/у

В связи с тем, что в гражданских процессуальных кодексах союзных республик (за исключением ГПК УССР, Грузинской ССР и Молдавской ССР) нет прямых указаний о порядке рассмотрения дел об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан, — в судебной практике возник вопрос о подурядности таких дел судам и порядке их рассмотрения.

Ввиду этого Народный комиссар юстиции СССР на основании пункта «в» ст. 7 Положения о Наркомюсте СССР вошел в Пленум Верховного суда СССР с предложением дать судам по этому вопросу руководящие указания.

Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Дела об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан, подлежат

рассмотрению народного суда, если действующим законодательством не предусмотрено другой порядок их установления.

2. К делам, подлежащим рассмотрению суда, в частности, относятся:

а) дела об установлении родственных отношений лиц, входящих в круг наследников по закону, а также об установлении факта нахождения лица на иждивении наследодателя;

б) дела об установлении факта усыновления после смерти усыновленного или усыновителя, если при их жизни усыновление не было оформлено надлежащим образом;

в) дела об установлении происхождения детей от данной матери, а также времени их рождения, при невозможности представления документов;

г) дела об установлении факта состояния в фактических брачных отношениях, если эти отношения возникли до 8 июля 1944 г. и не могут быть оформлены, согласно ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. вследствие смерти или вследствие пропажи без вести одного из лиц, состоящих в таких отношениях;

д) дела об установлении факта владения строением на праве личной собственности или на праве застройки в случае утраты документов.

3. Установление указанных фактов в судебном порядке производится лишь при невозможности получения заинтересованными лицами надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или же при невозможности восстановления утерянных или уничтоженных документов.

4. Дела об установлении фактов рассматриваются народным судом по заявлению заинтересованных лиц по месту их жительства, а по делам, указанным в п. «д» ст. 2 — по месту нахождения строения.

5. В заявлении должно быть указано:

а) для какой цели заявителю необходимо установить данный факт;

б) причины невозможности получения или восстановления документов, удостоверяющих данный факт;

в) доказательства, подтверждающие факт (свидетели, письменные и другие доказательства).

6. Дела об установлении фактов должны рассматриваться судом в порядке, предусмотренном ст. ст. 191—193 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик, с вызовом заявителя и могущих быть заинтересованными в деле лиц и организаций.

Если при рассмотрении дела будет возбужден заинтересованным лицом или организацией спор о праве гражданском или же сам суд придет к выводу, что в данном деле установление факта непосредственно связано с необходимостью разрешения спора о праве гражданском, суд прекращает дальнейшее рассмотрение дела в порядке особого производства. В таком случае заинтересованное лицо или организация могут предъявить иск на общих основаниях.

7. В определении суда должны быть указаны: факт, установленный судом, и доказательства, на основании которых этот факт судом установлен.

8. Определение суда об установлении факта, подлежащего регистрации в органах записи актов гражданского состояния (например усыновление), или подлежащего оформлению в нотариальных органах (например, при наследовании по закону), не заменяет собою документов, выдаваемых этими органами (например, свидетельства об усыновлении или свидетельства о праве наследования), но служит лишь основанием для получения этих документов.

9. Определение суда по делам об установлении фактов может быть обжаловано на общих основаниях в вышестоящий суд как заявителем, так и участвовавшими в деле заинтересованными лицами и организациями.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Должностное лицо, назначенное для охраны имущества, не может отвечать за его утрату, если это лицо по независящим от него обстоятельствам было поставлено в такие условия, при которых оно не в состоянии было обеспечить сохранность имущества.

Дело Власовой. Осуждена народным судом 4-го участка Свердловского района г. Москвы по ст. 111 УК РСФСР. Определение от 11 апреля 1945 г.

Власова судом признана виновной в том, что, работая в Московской конторе Горьковского автозавода диспетчером, при поездке на грузовой автомашине в г. Орехово-Зуево на текстильную фабрику за башмачной материей, во время возвращения, халатно отнеслась к сохранению таковой, в результате чего одна кипа неизвестными лицами была похищена с машины в пути.

Из материалов дела видно, что Власова перед выездом в Орехово-Зуево обращалась к администрации конторы с просьбой обеспечить ее на время поездки теплой спецодеждой, поскольку она в целях охраны груза должна была находиться в кузове машины.

Администрацией была дана Власовой записка на склад, из которого предлагалось выдать ей для поездки в командировку дежурную спецодежду — валенки и телогрейку, однако валенок и телогрейки на складе не оказалось, и поэтому она была вынуждена выехать без теплой одежды.

Власова, не получив теплой одежды, не в состоянии была вследствие мороза на протяжении всего стакилометрового пути все время находиться в кузове и часть пути проехала в кабине.

Таким образом Власова самой администрацией была поставлена в такие условия, при которых она не в состоянии была обеспечить сохранность груза.

При таких обстоятельствах должно быть признано, что утрата в пути кипы материи произошла по вине самой администрации конторы, допустившей беспечность в организации поездки.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 4-го участка Свердловского района г. Москвы и определение Московского городского суда в отношении Власовой отменить и дело производством прекратить.

2. Должностное лицо не может отвечать за последствия, наступившие вследствие действий введшего его в заблуждение вышестоящего должностного лица, которому оно подчинено по службе и преступный характер действий которого ему не был известен

Дело Коршиковой. Осуждена народным судом 2-го участка Алексинского района по ст. 17 и ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. Тульским областным судом переквалифицировано на ст. 109 УК. Определение от 21 апреля 1945 г.

Коршикова признана виновной в том, что она, работая продавцом в магазине ОРСА ОСМЧ-4, отпускала хлеб своим знакомым без карточек. Во время болезни заведующей магазином осужденной Лядовой Коршикова давала незаконные распоряжения продавцу Егоровой об отпуске хлеба своим родственникам.

Суд пришел к выводу, что в результате незаконных действий Коршиковой в магазине образовалась недостача 111 килограммов хлеба.

Приговор народного суда и определение Тульского областного суда в отно-

шении Коршиковой подлежат отмене по следующим основаниям: Из показаний свидетелей и материалов дела видно, что ответственной за материальные ценности, являлась заведующая магазином Лядова, которая это подтвердила. Коршикова во время болезни Лядовой заведующей магазином назначена не была и товары не принимала. Это подтвердил свидетель Георг.

Материалами дела также установлено, что продавцы Коршикова и Егорова отпускали хлеб без карточек по распоряжению заведующей магазином Лядовой, которая во время требований продавцами продовольственных карточек заявляла, что талоны от карточек находятся у нее. Продавцы же магазина, в частности Коршикова, зная, что хлебные талоны представляет в карточное бюро непосредственно Лядова и она же является материально-ответственной за вверенные ей материальные ценности, отпускали хлеб без талонов, не имея личной корыстной цели.

Не усматривая в действиях Коршиковой состава преступления Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда и определение Тульского областного суда в отношении Коршиковой отменить и на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР дело о ней производством прекратить.

3. Субъектом преступления, предусмотренного статьями 109 и 111 УК РСФСР, может быть только должностное лицо

Дело Радченко. Осужден народным судом Егорлыкского района по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 5 мая 1945 г.

Радченко признан виновным в том, что в феврале 1944 г., замещая временно председателя колхоза, он, не согласовав вопроса с правлением и общим собранием колхоза, сдал в счет хлебозакупа 1 центнер подсолнуха и по сдаточной квитанции разрешил колхознику Серикову получить в Чкаловском сельпо 11 литров водки для предстоящей свадьбы Серикова и затем принял сам участие в распитии этой водки.

Кроме того, Радченко инкриминируется, что 10 марта 1944 г. он, возвращаясь в колхоз после посева, вследствие своей халатности не выключил в сельке подающую шестеренку, вследствие чего в пути следования по дороге высевались семена и было рассыпано 22—25 кг семян.

Председатель Верховного суда СССР опротестовал приговор и оставшееся его в силе определение Ростовского областного суда в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР. В протесте указано следующее:

Из дела видно, что по просьбе Серикова Радченко действительно выдал ему сдаточную квитанцию, предоставлявшую право на покупку водки. Так как впоследствии оказалось, что сдаточная квитанция была ошибочно дважды отоварена, Радченко был вынужден сдать в хлебозакуп 1 ц. подсолнуха, чтобы оправдать излишне полученный товар по сдаточной квитанции. Никакого материального ущерба колхоз при этом не понес, тем более, что водку Сериков получил за наличный расчет. Никакой корыстной заинтересованности при совершении этой операции Радченко не преследовал и факт его участия на свадьбе в числе других гостей не дает оснований рассматривать эти действия Радченко, как вызванные мотивами корыстной заинтересованности.

По делу недостаточно исследован вопрос о том, выдал ли Радченко эту квитанцию единолично или по согласованию с членом правления Плысенко. Радченко утверждает, что это было выдано по согласованию с Плысенко. Плысенко дал по этому поводу недостаточно определенные показания. Во всяком случае из его показаний видно, что выдача квитанции происходила в его присутствии, причем он против этой выдачи не протестовал. Однако если бы по делу было даже установлено, что Радченко эти действия совершил единолично, то, учитывая малозначительность этих действий и отсутствие вредных последствий, дело о нем в этой части подлежало прекращению по примечанию к ст. 6 УК, хотя формально в его действиях имеются элементы не ст. 109 УК, ввиду отсутствия отягчающих признаков этой статьи, а ч. 2 ст. 112 УК РСФСР.

Обращаясь к эпизоду, связанному с потерей 25 кг зерна, следует отметить,

что суд в данном случае неправильно квалифицировал действия Радченко по ст. 109 УК РСФСР. Прежде всего, поскольку сам суд в своем приговоре указывает, что результат наступил вследствие небрежного и недобросовестного отношения Радченко к своим обязанностям, в данном случае могла идти речь не о злоупотреблении своим служебным положением, а о халатном отношении к своим обязанностям, предусмотренном не ст. 109, а ст. 111 УК РСФСР. Независимо, однако, от этого по данному эпизоду к Радченко не могла быть применена статья из раздела о должностных преступлениях, поскольку Радченко к этому времени не являлся председателем колхоза и, будучи рядовым колхозником, не мог считаться субъектом должностного преступления.

Вместе с тем, по делу не может считаться доказанным самый факт проявления небрежности со стороны Радченко. В приговоре указано, что Радченко не выключил подающую шестеренку. Этот вывод основан на предположении и находится в противоречии не только с показаниями самого Радченко, но и с показаниями незаинтересованного в исходе дела бригадира Жилина, из которых видно, что во время следования с сеялкой у последней отошел со своего места крючок высевающего аппарата, что и повлекло выбрасывание зерна. Таким образом, из этих показаний видно, что результат наступил вследствие неисправности сеялки. Если к этому учесть, что дело происходило вечером, следует признать, что по всем обстоятельствам дела Радченко не предвидел и не мог предвидеть наступивших последствий, ввиду чего в его действиях по данному эпизоду отсутствует не только вина умышленная, но и вина неосторожная. Поэтому в этой части дело в отношении Радченко подлежит прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления.

Коллегия удовлетворила протест.

4. Преступление по должности предполагает, что инкриминируемое действие или бездействие связано со служебными функциями обвиняемого

Дело Бакарюковой. Осуждена народным судом 1-го участка Кусарского района по ч. 1 ст. 146 УК Азербайджанской ССР (халатность). Определение от 29 апреля 1945 г.

Бакарюкова признана виновной в том, что вследствие своей халатности потеряла 36 хлебных карточек, переданных ей сотрудниками райздравотдела для коллективной закупки хлеба, чем причинила ущерб в сумме 14 450 руб. по рыночным ценам, которые суд постановил взыскать с Бакарюковой в пользу сотрудников. Суд неосновательно вынес Бакарюковой обвинительный приговор, так как ст. 146 УК Азербайджанской ССР предусматривает халатное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, в данном же случае закупка Бакарюковой хлеба для сотрудников по их карточкам не входила в ее служебные обязанности и принятие на себя этого поручения Бакарюковой носило исключительно частный характер. Вопрос же о возмещении ущерба, причиненного Бакарюковой мог быть разрешен в общем порядке.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: Приговор народного суда 1-го участка Кусарского района и определение Верховного суда АзССР отменить и дело по обвинению Бакарюковой на основании ст. 4 п. 5 УПК АзССР производством прекратить. Предоставить право потерпевшим сотрудникам райздравотдела предъявить Бакарюковой иск в порядке гражданского судопроизводства.

5. Виновность предполагает, по меньшей мере, что обвиняемый должен был предвидеть возможность наступления последствий своих действий или своего бездействия

Дело Балаухиной. Осуждена народным судом Граховского района Удмуртской АССР по ст. 111 УК РСФСР. Определение от 21 апреля 1945 г.

Балаухина признана виновной в том, что она, работая бухгалтером в райконторе связи, халатно относилась к своим обязанностям, приняла от кассира Ра-

дыгниной ордер на 10 000 руб., который не был скреплен подписью сортировщика Граховой, удостоверяющей получение ею денег, и списала эту сумму в расход, в результате чего 10 000 руб. были присвоены Граховой. Из материалов дела видно, что кассир конторы связи Радыгина передала экспедитору Граховой 10 000 руб. для отправки в Игринское отделение связи, не взяв с последней расписку на ордере и без такой расписки передала ордер бухгалтеру Балаухиной, которая, не обратив внимания на отсутствие расписки экспедитора, списала деньги в расход. Грахова деньги присвоила.

Приговор народного суда в отношении Балаухиной подлежит отмене по следующим основаниям: Балаухина была новым работником не только в конторе связи, но и в должности бухгалтера, а Грахова и Радыгина были опытными работниками. Накладная-ордер на отправку 10 000 руб. написана не на бланке, а на клочке бумаги, на которой имелись две подписи. Балаухина как новый и неопытный работник могла и упустить отсутствие расписки экспедитора, тем более, что на накладной не было указано место для расписки экспедитора.

Свидетель Озол, производивший ревизию работы конторы связи, показал, что Балаухина по своей неопытности в работе могла и не заметить отсутствие подписи экспедитора. При наличии таких данных у суда не было основания для обвинения Балаухиной по ст. 111 УК РСФСР.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Граховского района в отношении Балаухиной отменить и дело о ней на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР производством прекратить.

6. Удержание с корыстной целью чужого имущества лицом, которому это имущество было вверено для определенной цели, должно квалифицироваться как присвоение, а не как хищение

Дело Ненастьева и Поликарповой. Осуждены народным судом 1-го участка Средского района Ярославской области по п. «д» ст. 162 УК РСФСР (Поликарпова через ст. 17). Определение от 21 апреля 1945 г.

[Извлечение]

Ненастев признан виновным в том, что он, работая приемщиком зерна пункта «Заготзерно», систематически расхищал государственное зерно. Во время массового поступления зерна от колхозов Ненастев отправил для осужденного по делу Тюрина 35 кг зерна, за что получил от последнего картофель и огурцы. Во втором случае Ненастев для обмена на картофель выдал осужденной по делу Поликарповой 70 кг ржи, за что получил 13 пудов картофеля и 1400 руб. деньгами. 2 августа 1944 г. Ненастев отправил с Поликарповой к себе на квартиру 55 кг зерна, с которым Поликарпова и была задержана. Поликарпова осуждена за то, что она содействовала Ненастеву в расхищении зерна.

Приговор народного суда подлежит изменению по следующим основаниям. Суд неправильно квалифицировал действия Ненастьева как тайное хищение зерна и осудил его по ст. 162 п. «д» УК РСФСР.

Ненастев, будучи приемщиком зерна, являлся ответственным за сохранность этого зерна, которое он присвоил, поэтому его преступление надлежит квалифицировать по ст. 116 ч. 1 УК РСФСР, а преступление Поликарповой должно быть квалифицировано по ст. 17—116 ч. 1 УК РСФСР.

7. Побои, нанесенные на почве личных неприязненных отношений, возникших между обвиняемым и потерпевшим, не дают оснований квалифицировать эти действия как хулиганство

Дело Кузнерского. Осужден народным судом 4-го спец. участка Куйбышевского района г. Москвы по ст. 74 ч. 1 УК РСФСР. Определение от 29 апреля 1945 г.

[Извлечение]

Кузнерский признан виновным в том, что, следуя 11 апреля 1945 г. поездом, направлявшимся со ст. Удельная в Москву, он проявил озорные хулиганские действия, выразившиеся в нанесении нескольких ударов по лицу гр. Сорокиной, которая просила подсудимого убрать с прохода ноги. Кроме того, он выражался нецензурными словами.

Вывод суда о том, что Кузнерский действовал из хулиганских побуждений, не вытекает из материалов дела. Как видно из показаний свидетелей и в том числе самой потерпевшей, последняя, пробираясь в тесно набитом вагоне между скамеек к окошку, попросила Кузнерского, сидевшего на скамейке, убрать ноги, а когда тот не выполнил ее просьбы, перешагнула через ноги, что вывело Кузнерского из равновесия и он нанес ей удар по лицу. Кузнерский показал, что у него болела спина и проходившая Сорокина задела его по лицу, что привело его в раздражение, и он нанес ей удар. Показания Кузнерского подтверждаются приложенными к жалобе документами, из которых видно, что Кузнерский, перенесший три операции, в том числе трепанацию черепа, подвержен припадкам мозгового характера и резко истощен физически и нервно.

Таким образом, следует считать установленным, что Кузнерский действовал не из хулиганских побуждений, а в состоянии нервного возбуждения, связанного с его болезненным состоянием и вызванного конфликтом, возникшим между ним и потерпевшей. При наличии таких данных действия Кузнерского надлежит квалифицировать по ст. 146 ч. 1 УК РСФСР.

8. Открытое похищение имущества у малолетнего, неспособного по своему возрасту сознательно разбираться в намерении обвиняемого и в содержании его действий, правильнее квалифицировать не как грабеж, а как кражу

Дело Рыбниковой. Осуждена народным судом 6-го участка Таганского района г. Москвы по п. «в» ст. 162 и ч. 1 ст. 165 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

Рыбникова, 1931 года рождения, признана виновной в том, что она похитила в комнате соседки по квартире Аристовой кошелек с 80 руб. и пятью продовольственными карточками; Рыбникову потерпевшая задержала и кошелек отобрала; в октябре 1944 г. в комнате другой соседки Ясиновской она похитила 1250 руб. денег и мясные талоны от абонемента на сухой паек; 22 ноября 1944 г. она обманным путем вывела 4-летнего Храмцова из булочной, где он находился со своей матерью, стоявшей в очереди за хлебом, и на улице открыто похитила у него шапочку. Приговор подлежит изменению по следующим основаниям. Совершение Рыбниковой кражи кошелька Аристовой доказано. Это преступление правильно квалифицировано только как кража, так как по делу не установлено, что Рыбникова в момент совершения кражи кошелька знала, что в нем находятся карточки. Кража Рыбниковой денег и талонов у Ясиновской ничем по делу не доказана. Это обвинение основано на предположении, высказанном Ясиновской, утверждавшей, что никто другой из проживающих в квартире, кроме Рыбниковой не мог совершить этой кражи.

В судебном заседании Ясиновская впервые показала о том, что когда она рассказала знакомой продавщице магазина, к которому она прикреплена, о хищении у нее мясных талонов, ей сказали, что в магазин приходила девочка и спрашивала продукты на мясные талоны, но ее задержали. Однако эти показания не проверены и поэтому не могут служить каким-либо доказательством.

Обвинение в хищении шапочки у Храмова доказано, но преступление это судом неправильно квалифицировано по ст. 165 ч. 1 УК РСФСР.

Утверждение суда о том, что в данном случае имел место грабёж, не соответствует материалам дела. Свидетели видели лишь, как Рыбникова увлекла мальчика на улицу, но как она завладела его шапочкой, они не видели.

Свидетельница Попова показала, что когда какая-то женщина привела мальчика в булочную, то он, плача, сказал своей матери, что у него сняли шапочку. Мать же его, свидетельница Храмова, передает слова мальчика иначе: по его словам девочка сказала ему «давай снимем шапочку и отряхнем снег». Отсюда можно заключить, что девочка действовала путем обмана. При этих условиях правильнее и это хищение квалифицировать как кражу, причем как кражу, предусмотренную ст. 162 п. «в» УК РСФСР, поскольку осужденная применила ухищрения для ее совершения.

Ввиду изложенного и учитывая, что осужденная страдает заболеванием туберкулезного характера и малокровием, что содержание ее под стражей при этих условиях нецелесообразно, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 6-го участка Таганского района г. Москвы и определение Московского городского суда в отношении Рыбниковой изменить, обвинение ее по ст. 165 ч. 1 УК РСФСР из приговора исключить, считать ее осужденной только по ст. 162 п. «в» УК РСФСР к лишению свободы на один год, применить к ней ст. 53 УК РСФСР, наказание считать условным с испытательным сроком в два года и из-под стражи ее освободить.

9. Признание обвиняемого не может считаться бесспорным доказательством обвинения, если оно находится в противоречии с объективными обстоятельствами, установленными по делу

Дело Захаровой. Осуждена народным судом 4-го участка Красно-Пресненского района г. Москвы по ст. 116 ч. 2 УК РСФСР. Определение от 29 апреля 1945 г.

Захарова признана виновной в том, что работая в хозяйственно-техническом отделе одного из учреждений в должности кассира, она систематически присваивала вверенные ей деньги. В апреле 1944 года присвоила 2000 руб., в июне — 2000 руб., и в июле 870 руб., но все эти суммы она погасила своими средствами. 4 октября 1944 г. у нее обнаружена недостача 15059 р. 63 к. и, кроме того, дополнительно установлена недостача 839 р. 74 к. по неоприходованным документам и неоплаченным расходным документам. Суд признал, что все эти суммы Захарова присвоила, как это подтверждается ее признанием во время расследования дела и свидетельскими показаниями. Из материалов дела видно, что Захарова при втором ее допросе в органах милиции действительно показала, что ее предыдущие ссылки на кражу денег в сумме свыше 21000 руб. из негоряемого шкафа кассы являются неправдивыми, что на самом деле она эти деньги растратила на свои нужды. Дав эти показания Захарова собственноручно написала обязательно возместить растрченную сумму. Ссылаясь на это признание обвиняемой, суд не только не учел, что она уже на допросе у следователя отказалась от него, объяснив, что она его сделала потому, что в случае признания она рассчитывала освободиться из-под стражи, но, что еще важнее, суд не обратил внимания на то, что это признание обвиняемой содержит указания на такие обстоятельства, которые не нашли себе подтверждения при их проверке. Как в протоколе допроса, так и в выданном обвиняемой обязательстве указано, что присвоенные деньги она израсходовала на приобретение двух зимних пальто для ее дочерей за 9500 руб., а остальную сумму, главным образом, на продукты питания. Между тем путем допроса дочерей осужденной, а также других свидетелей установлено, что никаких пальто для своих дочерей она не приобретала, что никакого улучшения в материальных условиях жизни этой семьи заметно не было, что для погашения обнаруженных у нее ранее недостач она прибегала к продаже своих вещей и займу денег у знакомых.

При наличии таких данных следует признать, что признание ею своей вины в присвоении является неправильным.

Как до этого признания, так и после него, осужденная утверждала, что недостача денег в кассе явилась следствием хищения их из несгораемого шкафа неизвестными лицами. Обстоятельства дела не исключают основательности этого утверждения. У осужденной был лишь один ключ от замка несгораемого шкафа. Имелись ли другие ключи и где они находятся, по делу не установлено. Свидетели Коловертин и Михайлов показали, что они в 1944 году производили починку замка у несгораемого шкафа, причем, судя по показаниям Михайлова, ремонт несгораемого шкафа производился во дворе учреждения. Все эти обстоятельства не исключают того, что ключи от несгораемого шкафа могли быть у других лиц, имевших доступ в помещение учреждения. Наконец, поведение осужденной в связи с обнаружением у нее недостачи в кассе также не дает оснований для обвинения ее. Свидетель Коган (старший бухгалтер) подтвердил в суде, что Захарова жаловалась на то, что ей трудно работать и подавала заявление об освобождении ее от работы. Он подтвердил также, что она говорила ему о том, что у кого-то должны быть ключи от шкафа и ставила перед ним вопрос об опломбировании шкафа. Что касается последнего случая, когда в кассе была обнаружена недостача свыше 15000 руб., то как видно из показаний свидетеля Смирновой (бухгалтер отдела), Захарова еще накануне была предупреждена о предстоящей проверке наличия кассы. Смирнова показала, что когда она 3 октября спросила у Захаровой, сколько денег у ней в кассе, то на память назвала сумму около 22000 руб. Едва ли можно допустить, что Захарова будучи предупреждена о предстоящей проверке кассы, в это время изъяла из нее деньги. При указанных выше обстоятельствах нельзя признать доказанным обвинение Захаровой в присвоении недостающей суммы. Захарова в своей работе проявляла халатность, небрежно вела отчетность по кассовым операциям, — несвоевременно и неправильно проводила по кассовой книге документы, а также не приняла должных мер к надлежащему хранению денег в кассе. Эти ее действия надлежит квалифицировать по ст. 111 УК.

Ввиду изложенного Судебная коллегия определила:

Переквалифицировать преступление Захаровой с ч. 2 ст. 116 на ст. 111 УК РСФСР и определить ей наказание в виде исправительно-трудовых работ на один год по месту работы с удержанием 15% из заработка и с зачетом времени, проведенного под стражей.

10. Обвинительный приговор не может быть оставлен в силе, если он основан на предположениях, не подкрепленных достаточно обоснованными данными

Дело Модорского. Осужден народным судом 1-го спецучастка Красногвардейского района г. Москвы по ст. 19 и п. «г» ст. 162 УК РСФСР. Определение от 21 апреля 1945 г.

Модорский признан виновным в том, что, работая заведующим складом конторы «Мосинодежда», он пытался похитить со склада 2 метра 20 сантиметров материала бостон.

Это обвинение основано на показаниях свидетелей Мещеряковой и Потамашнева. Свидетель Мещерякова показала, что на складе во время работы она заметила у Модорского под пиджаком кусок бостона, ярлык и пломба от которого виднелись из-под пиджака. Об этом она заявила директору Потамашневу.

В связи с этим на склад явились Потамашнев, его заместитель Зубакин и начальник спецотдела Абрамов. Но так как внешний вид Модорского не вызывал подозрений, они не произвели личного обыска Модорского на складе и предложили ему следовать вместе с ними в контору на 2-й этаж. В контору Модорский шел вместе с Абрамовым, а Потамашнев, которого несколько задержали сотрудники склада, шел за ними на расстоянии 10—20 метров.

В кабинете Абрамова произведенным осмотром никакого материала у Модорского обнаружено не было. Вслед за ними в кабинет вошел Потамашнев

и принес кусок бостона в 2 метра 20 сантиметров с обрывком ярлыка; при этом он заявил, что материал он поднял на лестнице, ведущей из склада в контору, по которой он шел следом за Абрамовым и Модорским.

Потамашнев на допросе показал, что он поднимался по первому крылу лестницы, а Абрамов и Модорский — по второму крылу; шел он за ними на расстоянии 10—20 метров, однако, не видел, чтобы Модорский выбросил кусок материала, который им был поднят на лестнице. Абрамов, шедший рядом с Модорским, также не видел, чтобы Модорский выбрасывал кусок бостона. Таким образом, каких-либо доказательств виновности Модорского, кроме предположений, в деле нет. Считая обвинение Модорского недоказанным, Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го спецучастка Красногвардейского района г. Москвы и определение Верховного суда РСФСР в отношении Модорского отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью обвинения.

11. Обвинение не может базироваться на противоречивых показаниях и необоснованных предположениях

Дело Розанова и др. Определение от 21 апреля 1945 г.

По приговору Красноярского краевого суда от 25 июля 1944 г. были осуждены по ст. 59³ УК РСФСР Розанов Иван Андрианович, Кочергин Иван Апполонович, Платонов Евдоким Алексеевич и Платонов Владимир Павлович.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

В ночь с 2-го на 3 марта 1943 г. в деревне Бугачево, Емельяновского района, Красноярского края было совершено убийство колхозницы Вдовиной Ирины Кононовны, ее двухлетнего сына Вани, 14-летней девочки Тамары, работавшей у Вдовиной в качестве няни, и неизвестной женщины по имени Елены, жившей несколько дней у Вдовиной. Убийство было совершено в доме, где проживала Вдовина, путем нанесения ударов топором и ножом. Суд признал, что это убийство было совершено с целью ограбления указанных выше осужденными по настоящему делу, которые, как указано в приговоре суда, по предварительной между собой договоренности 2 марта 1943 г. совершили бандитский налет на дом Вдовиной, совершили убийство, трупы убитых бросили в подпол и, захватив два мешка ржи, швейную машинку, сапоги, пальто и другие вещи, скрылись. Это обвинение суд обосновал показаниями осужденного Платонова Владимира, его брата свидетеля Платонова Павла Павловича 1927 года рождения и умершего до суда его отца — Платонова Павла Алексеевича, вещественными доказательствами и тем фактом, что Кочергин 3 марта 1943 г., т. е. на другой день после убийства, ездил в г. Красноярск с целью сбыта награбленных вещей.

Верховный суд РСФСР признал дело недоследованным, поскольку показания Платоновых противоречивы, неоднократно менялись ими, взаимоотношения их с осужденными, и главным образом с Платоновым Евдокимом, не проверены, а также не проверено в должной мере, не являлся ли участником убийства бывший муж убитой Вдовиной Старков, с которым она разошлась в 1940 году. Учитывая приведенные соображения, Верховный суд приговор отменил и дело передал на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Определение Верховного суда РСФСР было опротестовано Прокурором СССР в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР. Считая приговор правильным, Прокурор СССР просил отменить определение Верховного суда РСФСР. По мнению Прокурора обвинение осужденных доказано показаниями Платонова Владимира, Платонова Павла Алексеевича, свидетелей Платонова Павла Павловича и Жарова, а также тем, что на рубашке осужденного Розанова обнаружены пятна человеческой крови. Кроме того, Прокурор в своем протесте отметил, что обнаруженный на месте совершения преступления нож со следами человеческой крови принадлежит Кочергину Ивану; у осужденного Платонова Евдокима при обыске обнаружен мешок со следами человеческой

крови; у Розанова обнаружены ручные санки, а на месте совершения преступления обнаружены следы таких же санок. Наконец, Прокурор Союза ССР полагает, что по материалам дела исключается версия об участии в убийстве Вдовиной ее бывшего мужа Старкова.

Коллегия не согласилась с протестом, считая, что улики для признания обвинения осужденных доказанным явно недостаточны, дело расследовано неудовлетворительно и требует дополнительного расследования. В частности, Коллегия отметила, что Платонов В. П. неоднократно менял свои показания.

Так, на одном из первых допросов, 4 марта 1943 г., Платонов В. П. показал, что он не знает, кто убил Вдовину, что, находясь вечером накануне убийства в ее доме, он видел у нее незнакомого мужчину, который накануне расспрашивал его, как можно проникнуть в квартиру Вдовиной, а уходя из квартиры, заметил во дворе около шести человек, которых в темноте не узнал, и испугавшись, бросился от них бегать. На этом допросе Платонов В. П. показал, что он лишь подозревает в качестве убийц незнакомого мужчину, а также Кочергина, Розанова, своего дядю — Платонова Евдокима Алексеевича и отца — Платонова Павла Алексеевича. Свое подозрение Платонов основал на том, что отец и дядя его и ранее занимались воровством, что с ними вместе совершали преступления также Кочергин и Розанов и что отец понуждал к воровству также и его, Платонова В.

На следующем допросе того же числа Платонов резко изменил свои показания и прямо назвал в качестве убийц своего отца, дядю, Кочергина и Розанова. Платонов при этом показал, что он присутствовал при том, как эти лица еще 26 февраля собрались в доме его дяди, Платонова Евдокима, где заранее договорились о предстоящем убийстве с целью ограбления. Далее он показал, что тогда же Платонов Евдоким подстрекал его, своего племянника, оказать им содействие, т. е. зайти ранее к Вдовиной, куда как знал его дядя, он был часто вхож, и открыты им ночью дверь. Платонов на это согласился, дождался 2 марта, пока кончится заседание правления колхоза, на котором находилась Вдовина, а в час ночи, когда она возвратилась, постучался к ней в дом. Вдовина ему открыла, накрмила его, после чего он вышел; дверь осталась за ним незапертой. В сенях и около сеней находились указанные лица, причем у отца был топор в руках, а у остальных лиц по ножу за голенищем; отец и дядя предупредили его никому ничего не говорить под угрозой убийства; сам он, боясь убийства, убежал на конный двор; в убийстве участия не принимал и не видел, как убивали.

При допросе 19 марта 1943 г. Платонов Владимир в основном подтвердил свои показания, однако утверждал, что договоренность между Платоновым Е. А., Платоновым П. А., Розановым и Кочергиным происходила не 26 февраля, а 1 марта 1943 г., и что, когда он выходил из квартиры Вдовиной, в сенях стояли трое, а четвертый — его отец — стоял около крыльца. Кроме того, утверждал, что, когда он стал выходить из квартиры Вдовиной, она положила в мешочек картошку и ушла в спальню. При выходе в сени его дядя Платонов Евдоким взял за шею и предупредил, что если он скажет кому, то дядя его убьет, после чего выкинул его из сеней. В несколько измененном виде эти свои показания Платонов Владимир подтвердил на очных ставках с Платоновым Е. А. и Розановым И. А. На очной ставке с Платоновым Е. А. он утверждал, что договоренность об убийстве и ограблении Вдовиной происходила 1 марта, что когда он, после договоренности Платоновых с Кочергиным и Розановым, слез с печи и направился на улицу, Платонов Евдоким вышел следом за ним и предложил принять участие в ограблении, при этом давал ему денег 30 и 50 руб., обещая купить костюм и кормить его. При этом Платонов Владимир Павлович показал, что его дядя, Платонов Евдоким, их вместе с братом Павлом 16 февраля 1943 г. выгнал из квартиры.

На суде 9 июля 1943 г. Платонов В. П. виновным себя не признал и показал в начале судебного следствия, что следовательно он показывал неправду; 2 марта ночевал на конном дворе со своим младшим братом, так как их дядя Евдоким выгнал. Часов в 12 ночи он встал и решил идти к Платонову Евдокиму, где жил его отец, с просьбой к отцу починить валенки, но дошел до клуба и вер-

нулся. По пути зашел к Вдовиной, но так как ее самой дома не было, домработница ему не открыла, и он вернулся на конюшню. Розанова и Кочергина он знал, видел их у дяди Евдокима, последний раз они приходили, когда его с братом дядя выгнал в феврале месяце, но о чем они говорили, не слышал. Затем на том же судебном заседании он изменил свои показания и в основном подтвердил показания, данные на предварительном следствии, но в значительно измененном виде. На очной ставке со своим отцом 13 августа 1943 г. Платонов В. П. вновь подтвердил прежние показания. На суде 13 декабря 1943 г. и 24 июля 1944 г. он категорически отказался от своих показаний и выдвинул новую версию о том, что показания на предварительном следствии в отношении Платонова Е. А., Кочергина и Розанова он давал потому, что его научил давать такие показания его отец Платонов П. А.

Таким образом Платонов Владимир Павлович на всем протяжении расследования и рассмотрения дела давал противоречивые показания и неоднократно менял их. Кроме того, его показания в отдельных деталях не совпадают ни с показаниями отца Платонова Павла Алексеевича, который впоследствии умер, ни с показаниями брата Платонова Павла Павловича. Так Платонов П. А. утверждал, что он слышал, как договаривались Платонов Е. А. с Розановым и Кочергиным об ограблении и убийстве Вдовиной, что он в это время находился на печке, что эта договоренность имела место 26 февраля. По поводу обстановки убийства Вдовиной Платонов П. А. показал, что 2 марта 1943 г. он по предложению Платонова Евдокима и Розанова с 11 часов ночи пошел наблюдать за квартирой Вдовиной. Подойдя к квартире, он постучался в дверь, на стук вышла домработница и сказала, что хозяйки дома нет и дверь ему не открыла. Постояв немного у дверей, он направился на конный двор колхоза, где застал своих сыновей Владимира и Павла. В разговоре сын Владимир ему сообщил, что он собирается идти к Вдовиной, которая обещала дать ему картофеля или накормить после совещания. Платонов П. А. решил использовать этот момент. Посидев на конном дворе около часа, он направился к квартире Вдовиной, огня в квартире не было. Решив, что Вдовина с совещания не пришла, стал ожидать ее на улице. Около часа ночи пришла Вдовина, а следом за ней пришел и его сын Владимир, которого Вдовина пригласила к себе в квартиру. После этого он решил проверить закрыта ли на запор наружная дверь квартиры. В связи с тем, что дверь оказалась незакрытой, он свободно проник в сени и притаился в углу за дверями, выходящими на улицу. Через 15—20 минут из квартиры вышел его сын Владимир, за которым тут же Вдовина закрыла дверь на железную скобу и, не заметив его, ушла в комнату. Минут через 15—20 к окну в сенях подошел Розанов и окликнул его по имени. Продолжая сидеть в сенях, он слышал, как они залезли на чердак. Минут 20 спустя они оттуда слезли, подошли к дверям, которые он Платонов успел уже открыть. Войдя в сени и узнав, что дверь из сеней в квартиру не заперта, Платонов Евдоким и Розанов Иван предложили ему выйти на улицу и наблюдать. Едва он вышел на улицу, как услышал в квартире крик и плач ребенка, но это продолжалось недолго, минуты 2—3. После того как было разбито кем-то окно в комнате, все утихло. Через несколько минут из квартиры кто-то вышел, закрыл четыре ставни и снова вошел в квартиру. Платонов Евдоким, Розанов и Кочергин в квартиру к Вдовиной попали около 2 часов ночи, пробыли там не больше часа. Стоял он на улице до тех пор, пока они на санках не выехали со двора. Санки были груженные, увезли они их по переулку к речке по направлению к посту Овинный. Минут через 10—15 он ушел следом за ними и догнал их на блокпосте Овинный, вещей при них уже не было.

Затем эти свои показания в несколько измененном виде Платонов П. А. подтвердил при последующих допросах на предварительном следствии и на очных ставках с другими обвиняемыми, а также на суде 9 июля 1943 г.

В связи с тем, что краевой суд при рассмотрении дела 9 июля 1943 г. сомневался в полноценности показаний Платонова П. А. в силу его психического заболевания, следователь вынес постановление о направлении Платонова П. А. судебно-медицинскому эксперту-психиатру для производства судебно-психиатрической экспертизы. 30 июля 1943 г. эксперт-психиатр Прейс дал за-

ключение на основе исследования, наблюдения и материалов следствия о том, что у Платонова П. А. «состояния невменяемости нет». Причем в этом своем заключении эксперт отметил, что Платонов П. А. «про преступление сообщает, что сын его оговорил его по злобе». Само по себе это заключение, основанное на амбулаторном исследовании и наблюдении, вызывает серьезные сомнения в его обоснованности. Составлено оно небрежно, на клочке бумаги, написано карандашом. Однако в связи с тем, что Платонов П. А. 10 ноября 1943 г. умер, проверить это заключение, а также психическое состояние больного не представляется возможным. Таким образом показания Платонова П. А., не говоря уже об их противоречивости, вызывают сомнения еще и потому, что по делу не исследовано его психическое состояние. Независимо от этого эти показания не совпадают с показаниями Платонова Владимира и, больше того, те и другие в вопросе о времени возвращения Вдовиной с заседания правления колхоза, противоречат объективным данным. Как видно из показаний свидетельницы Подопреловой, с заседания правления колхоза Вдовина вернулась в 11 час. 30 мин. вечера. Допрошенный в качестве свидетеля Платонов Павел Павлович показал, что 1 марта 1943 г. примерно в 3 часа дня его брат Платонов Владимир рассказал ему, что дядя Евдоким, их отец, Розанов Иван и Кочергин Иван собираются убить Вдовину, забрать у нее хлеб и вещи, что после убийства 3 и 4 марта его отец приходил на конный двор и говорил ему, что если его будет по каким-либо вопросам спрашивать милиция, то он должен отвечать, что ничего не знает. Об этом же якобы ему говорил и дядя Евдоким. При вторичном допросе Платонов П. П. утверждал, что когда их, Платонова П. А., Розанова и Платонова П. П. задержали и оставили в колхозной конторе, его отец Платонов П. А., обращаясь к Розанову, сказал: «Наверно все это Володька разболтал». Розанов, соглашаясь, ответил, — «Наверно он там все разболтал». На суде Платонов П. П., подтвердив в основном свои показания, заявил, что про Розанова и Кочергина ему брат Владимир ничего не говорил. На последнем судебном заседании он вновь наряду с Платоновым называл и Розанова и Кочергина как договаривавшихся об убийстве Вдовиной.

Таким образом показания свидетеля Платонова П. П. также противоречивы. Помимо этого по делу установлено, что Платоновы Владимир Павлович и Павел Павлович до февраля месяца жили у своего дяди Платонова Евдокима, а затем он их обоих выгнал. Поэтому не исключено, что они его оговаривают.

При таких условиях показания Платоновых П. А., В. П. и П. П. в силу их противоречивости и того, что они свои показания неоднократно меняли, а также в связи с тем, что взаимоотношения их с Платоновым Евдокимом были натянуты, нельзя считать достаточными для признания доказанным обвинения осужденных в убийстве и ограблении Вдовиной и других.

Далее коллегия отметила следующее.

На месте совершения преступления, как это видно из протокола осмотра места происшествия, были обнаружены рваная окровавленная рубашка, топор и нож со следами крови, шапка-ушанка, оставленные преступниками во дворе дома, и около дома на снегу следы ручных саней, а также во дворе около крыльца найдена прямая обувь желтая бумага из-под пачки нюхательного табаку с надписью, — «нюхательный табак мятный». Суд признал установленным, что нож и шапка-ушанка, оставленные на месте преступления, принадлежат Кочергину, следы санок тождественны с санками, обнаруженными у Розанова. Предварительное следствие пришло к выводу о том, что обнаруженная на месте преступления рубашка принадлежит Розанову.

Между тем эти выводы предварительного следствия и суда не находят себе достаточного подтверждения в материалах дела.

Нож, обнаруженный на месте преступления, был предъявлен для опознания гр-ну Старкову Семену Николаевичу, который заявил, что такой нож он видел у Кочергина, но точно сказать, этот ли нож, не может. Примерно такие же показания по этому поводу дал осужденный Платонов Евдоким. Но в то же время последний показал, что такие ножи он видел у многих других, так как их делал кузнец. То обстоятельство, что шапка-ушанка, обнаруженная на месте преступления, принадлежит Кочергину, подтвердил осужденный Платонов

Евдоким. Однако протокола опознания в деле нет, и какая шапка предъявлялась Платонову для опознания, неизвестно. На суде 24 июля 1944 г. он показал, что шапку Кочергина, запачканную в крови, он опознал, но что на суд в качестве вещественного доказательства представили другую шапку. Таким образом выводы суда и следствия о том, что обнаруженные на месте преступления нож и шапка принадлежат Кочергину, основаны на предположении и не находят себе достаточного подтверждения в материалах дела.

Рубашка, испачканная кровью, была предъявлена для опознания свидетелю Бендингеру, который заявил, что такую рубашку он видел у своего соседа Розанова, но точно сказать, она ли в действительности, он не мог. Допрошенная на суде свидетельница Розанова Е. И., жена осужденного Розанова, показала, что у ее мужа такой рубашки не было и она ему не принадлежит. Сам Розанов категорически отрицает принадлежность ему этой рубашки.

При наличии таких данных, нельзя признать установленным, что эта рубашка принадлежит Розанову.

То обстоятельство, что на месте совершения преступления обнаружены следы санок, тождественные с санками, обнаруженными при обыске у Розанова, не может служить доказательством его виновности, во-первых, потому, что эти следы вовсе не тождественны, так как ширина полозьев санок, обнаруженных у Розанова, не совпадает с шириной полозьев следов, имевшихся на месте совершения преступления. Во-вторых, по делу установлено, что кустарь, изготовивший эти санки для Розанова, в то же время изготовил свыше десятка санок другим лицам.

Ссылка Прокурора Союза ССР в его протесте на то, что Платонова Евдокима при обыске обнаружен мешок со следами человеческой крови не соответствует, по мнению Коллегии, обстоятельствам дела, так как экспертиза на этом мешке следов крови вообще не обнаружила, а в своем заключении записала, что на мешках крови обнаружить не представилось возможным. Таким образом доказательства, собранные по делу, явно недостаточны для признания осужденных виновными в инкриминируемых им преступлениях. Поэтому Коллегии признала, что нельзя согласиться с точкой зрения Прокурора Союза ССР, изложенной в протесте о том, что обвинение осужденных по настоящему делу лиц доказано. Предварительное следствие по делу проведено неудовлетворительно. Ряд существенных вопросов остался невыясненным. Так, помимо вопросов, указанных в определении Верховного суда РСФСР, следствие не проверило личность женщины, ночевавшей у Вдовиной и оказавшейся вместе с ней убитой. Не выяснено до конца, кому 3 марта продавал Кочергин сено. Не установлено, у кого имеется нюхательный табак мятный. Для этого следовало установить и проверить, кто нюхает табак, поскольку из обстоятельств дела не видно, что этот табак убийцы использовали для других целей. Считая, что указанные обстоятельства, наряду с вопросами, указанными в определении Верховного суда РСФСР, могут быть исследованы в настоящее время, несмотря на то, что с момента совершения преступления прошел продолжительный срок. Коллегии определила протест Прокурора Союза ССР отклонить.

12. Непредоставление права защитительной речи подсудимому, принявшему защиту лично на себя, по делу, рассмотренному с участием прокурора, является поводом к отмене приговора

Дело Шабояна. Осужден народным судом Апаранского района по п. «г» ст. 193 УК Армянской ССР (кража). Верховным судом Армянской ССР дело прекращено. Определение от 19 мая 1945 г.

Шабоян народным судом был признан виновным в том, что он в 1943 г. путем взлома замка похитил у своего брата Ераноса 8 кг топленого масла.

Верховным судом Армянской ССР приговор был отменен и дело по мотивам отсутствия в действиях осужденного состава преступления производством

прекращено. Верховный суд Армянской ССР в своем определении указал, что, как видно из дела, братья Шабалян являются членами одной и той же семьи, что нет никаких документальных данных о раздельной их жизни, ввиду чего имеющееся в доме имущество, в том числе и 8 кг масла, должно быть признано их общим имуществом и поэтому изъятие осужденным масла, на которое он имеет такое же право собственности, как и брат, не может квалифицироваться как кража.

В качестве второго оправдывающего мотива Верховный суд Армянской ССР ссылается на заявление осужденного о том, что брат и его жена плохо к нему относились, заставляли голодать, что и толкнуло его совершить инкриминируемое ему действие.

Определение Верховного суда Армянской ССР является неправильным. Если даже считать установленным, что осужденный владел со своим братом имуществом на правах общей собственности, то и это еще не давало ему права на изъятие части имущества без ведома брата. Хотя действия осужденного в этом случае, действительно, и не могли быть квалифицированы как кража, однако, это еще не давало оснований для признания отсутствия в его действиях состава преступления, поскольку самовольное осуществление своего действительного или предполагаемого права, оспариваемого другим лицом, содержит в себе состав преступления, предусмотренного ст. 115 УК Армянской ССР (самоуправство).

Равным образом не давал оснований для признания отсутствия состава преступления и второй мотив, приведенный в определении Верховного суда Армянской ССР, так как отношение потерпевшего и его жены к осужденному не создавали в данном случае для последнего прав, устранивающих его виновность.

Однако самый вывод Верховного суда Армянской ССР о том, что оба брата владели имуществом на правах общей собственности, не вытекает из материалов дела, так как он основан на голословном заявлении осужденного в его кассационной жалобе и находится в явном противоречии с его же показаниями на судебном следствии, где он признал себя виновным и показал, что он отделился от брата еще до совершения им кражи.

При наличии таких данных в деле, ссылка Верховного суда на отсутствие документов, подтверждающих факт раздела, не может считаться убедительной, и если у суда возникло сомнение по этому поводу, ввиду противоречия кассационной жалобы осужденного его показаниям на суде, то Верховный суд все же не имел оснований для прекращения дела, а должен был, отменив приговор, передать дело на новое рассмотрение для уточнения этого обстоятельства.

Вместе с тем не может быть оставлен в силе и приговор по делу.

Из протокола судебного заседания видно, что подсудимый отказался от защитника и принял защиту на себя. Между тем, суд, грубо нарушив ст. 282 УПК Армянской ССР, не предоставил ему слова для произнесения защитительной речи и даже не разъяснил ему его права на произнесение такой речи, а после заслушания речи прокурора, участвовавшего в деле, непосредственно перешел к заслушанию последнего слова.

Такое существенное нарушение прав подсудимого при отсутствии данных об отказе его от защитительной речи, следует считать равносильным рассмотрению дела без участия защиты, участие которой согласно п. 1 ст. 54 УПК Армянской ССР являлось обязательным, поскольку в деле участвовал прокурор, а подсудимый отказался не от защиты, а только от защитника, приняв защиту на самого себя.

Согласно п. 5 ст. 375 УПК Армянской ССР приговор подлежит безусловной отмене в случае рассмотрения без участия защитника дела, в котором участие защитника является обязательным. Хотя закон буквально говорит в данном случае об участии защитника, следует признать, исходя из общего смысла закона, направленного на ограждение законных прав подсудимого на защиту, что изложенное в этом законе правило распространяется и на те случаи, когда подсудимый, отказываясь от защитника, вместе с тем, не отказывается от защиты и принимает ее на себя. В последнем случае подсудимый совмещает в своем лице и подсудимого и защитника и непредоставление ему права защи-

нительно речи равносильно отсутствию защитника по делу, по которому его присутствие было обязательным.

Ввиду изложенного и учитывая, вместе с тем, явную нецелесообразность пересмотра дела за давностью инкриминируемого действия и отсутствием тяжких последствий, тем более, что по всем данным дела обвиняемый не представляет собой общественной опасности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Апаракского района и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Шабояна отменить и дело на основании ст. 8 УК Армянской ССР производством прекратить, предоставив потерпевшему право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства.

13. Приговор должен быть изложен таким образом, чтобы в нем четко и ясно было указано, в чем конкретно подсудимый признан виновным ?

Дело Жмурина. Осужден народным судом 7-го участка Бауманского района г. Москвы по ст.ст. 19 и 107 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

В протесте, внесенном Председателем Верховного суда СССР по данному делу в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, было указано следующее:

Приговором по делу установлено, что 8 декабря Жмурин был задержан у себя на квартире в Москве перед отъездом «в провинцию» с целью продажи закупленных в Москве промтоваров. При обыске у Жмурина было изъято 20 штук хлопчато-бумажных юбок, 52 катушки черных ниток, 20,9 метра хлопчатобумажной ткани, 19,6 метров марли. Далее приговор устанавливает, что у Жмурина был изъят мешок, в котором оказалась 31 пара галош и 4,9 метра марли, будто бы оставленные ему соседом по квартире Журавлевым, который был намерен выехать совместно со Жмуриным с той же целью, но задержан не был, так как скрылся.

Жмурин показал, что, собираясь уехать со своей женой, на которой он недавно женился, к себе на родину, он приобрел промтовары для передачи своим родственникам, но вместе с тем не отрицал, что часть промтоваров имел намерение продать, чтобы оправдать дорогу. Жмурин также показал, что мешок с галошами и марлей (4,9 метра) принадлежит не ему, а Журавлеву, который, уходя на вокзал за билетами, оставил мешок на хранение у тещи Жмурина, где последний проживал после женитьбы, а затем на квартиру за вещами не явился, видимо, узнав о задержании Жмурина.

Из содержания приговора не ясно, считает ли суд установленным, что галоши принадлежали Жмурину, или он доверяет версии Жмурина. Поэтому следует признать, что приговор в этой части изложен с грубым нарушением ст. 334 УПК РСФСР, требующей от суда ясного и четкого изложения в приговоре, в чем подсудимый признан виновным.

Между тем, материалы дела не дают оснований считать, что мешок с галошами и марлей принадлежал Жмурину. Версия Жмурина не только подтверждается его собственными показаниями, но и показаниями незаинтересованных лиц — Лактионова и Минаева, а также описью изъятого имущества, где эти предметы обозначены, как принадлежащие Журавлеву.

В остальном следует признать обвинение Жмурина доказанным. Количество и ассортимент изъятых у него промтоваров давали основание притти к выводу, что они были им закуплены со спекулятивной целью.

Находя, вместе с тем, по делу ряд смягчающих обстоятельств, Председатель Верховного суда СССР поставил вопрос о смягчении наказания Жмурину.

Коллегия протест удовлетворила.

14. Принадлежащие третьим лицам вещественные доказательства, подпадающие под признаки п. 4 ст. 69 УПК РСФСР, подлежат передаче законным владельцам и не могут быть включены в состав имущества, конфискуемого у осужденного

Дело Р. Осужден народным судом 6-го участка Свердловского района г. Москвы по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР к лишению свободы с конфискацией 10 000 руб., изъятых при обыске. Определение от 7 апреля 1945 г.

Р. осужден за то, что, работая начальником Планово-финансового сектора Главного управления музыкальных учреждений, вымогал у директора музыкальной школы взятку в сумме 25 000 руб. и получил с него в счет этой суммы 10 000 руб.

В целях изобличения Р. было решено, чтобы К. дал ему взятку, в связи с этим в Комитете по делам искусств был составлен специальный акт, в котором были переписаны все номера денежных знаков на 10 000 руб., которые К. должен был вручить Р.

Виновность Р. доказана и осужден он по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР правильно, но неправильно конфискованы изъятые у него деньги в сумме 10 000 руб. Эти деньги принадлежали К. и на основании п. 4 ст. 69 УПК РСФСР подлежали возврату ему. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 6-го участка Свердловского района г. Москвы и определение Московского городского суда в отношении Р. изменить, исключив из приговора конфискацию изъятых у него десяти тысяч рублей, и передать таковые гр. К.

15. Суд не вправе принять к своему рассмотрению кассационный протест, снятый до судебного заседания вышестоящим прокурором

Дело Рудисаар. Определение от 19 мая 1945 г.

Рудисаар в феврале 1943 г. была мобилизована Вильяндинским уездным исполнительным комитетом на лесозаготовки, но от мобилизации уклонилась и за это осуждена на один месяц исправтрудабот.

Приговор народного суда Вильяндинский уездный прокурор опротестовал за мягкостью назначенного Рудисаар наказания в Верховный суд Эстонской ССР.

Прокурор Эстонской ССР за несколько дней до рассмотрения дела в Верховном суде протест уездного прокурора снял. Между тем Верховный суд Эстонской ССР после поступления письма прокурора Эстонской ССР с извещением о снятии протеста принял дело к рассмотрению и приговор народного суда отменил, мотивируя отмену мягкостью назначенного Рудисаар наказания.

Определение Верховного суда Эстонской ССР является неправильным. По своему положению органы прокуратуры действуют на основах строгой централизации и соподчиненности. Всякое распоряжение вышестоящего прокурора является обязательным к исполнению для находящегося в сфере его подчинения нижестоящего прокурора. При таких данных снятие прокурором Эстонской ССР протеста уездного прокурора не давало Верховному суду Эстонской ССР оснований для принятия дела Рудисаар к своему производству. Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза СССР определила:

Определение Верховного суда Эстонской ССР по делу Рудисаар отменить и оставить в силе приговор народного суда.

16. В тех случаях, когда передача дела на новое рассмотрение связана с выяснением таких обстоятельств, которые не могут быть успешно установлены судом и требуют проведения специальных следственных действий, дело должно быть передано на рассмотрение не со стадии судебного, а со стадии предварительного следствия

Дело Гуляевой и Цыгановой. Осуждены народным судом Городского района г. Баку по п. «в» ст. 206 УК Азербайджанской ССР (кража); Шевцова по той же статье оправдана. Верховным судом дело передано на новое судебное рассмотрение. Определение от 4 апреля 1945 г.

Гуляева признана виновной в том, что она 20 декабря 1944 г. по сговору с Цыгановой совершила кражу домашних вещей, принадлежащих гр-ке Мельниковой, и похищенные вещи передала Цыгановой для сбыта.

Цыганова признана виновной в том, что она продала переданные ей Гуляевой похищенные вещи за 2500 руб., которые они между собой поделили. Участие в этой краже Шевцовой суд признал недоказанным и по суду ее оправдал.

Определение Верховного суда Азербайджанской ССР подлежит отмене по следующим основаниям; отменяя приговор народного суда, Верховный суд Азербайджанской ССР в своем определении не привел мотивов, по которым он пришел к выводу об отмене приговора народного суда. Во время предварительного расследования дела Шевцова и Гуляева признали, что они совершили кражу у Мельниковой — тети Шевцовой, у которой она проживает. Эту кражу, согласно их показаниям, они совершили после совместного посещения кино, причем комнату Мельниковой они открыли ключом, который хранился в обычном известном Шевцовой месте. Похищенные вещи Гуляева на другой день передала Цыгановой для того, чтобы она их продала, но продала ли она их, она не знает. Цыганова в своих показаниях, в том числе и на очной ставке с Гуляевой, отрицала какое-либо свое участие в данной краже. На основании показаний Шевцовой и Гуляевой, а также факта обнаружения в чемодане Шевцовой одной блузки и рубашки, опознанных потерпевшей, Шевцова и Гуляева были переданы суду по ст.ст. 18 и 206 п. «в» УК Азербайджанской ССР.

В судебном заседании обвиняемые совершенно изменили свои показания. Шевцова заявила, что ее признание в совершении кражи вещей у Мельниковой было сделано неправильно, на самом же деле она в краже не участвовала, кражу совершили Гуляева и Цыганова, которые ей сами сказали об этом в отделении милиции. Гуляева также отказалась от своих показаний, ссылаясь на то, что Шевцова уговорила ее взять вину на себя и она поэтому оговорила и себя и Цыганову, теперь же Цыганова предлагает ей взять вину на себя, чтобы освободить от ответственности Шевцову. В свою очередь Цыганова отвергла свои прежние показания, в которых она отрицала свое участие в совершении кражи у Мельниковой, и показала, что эту кражу совершила она совместно с Гуляевой. Согласно ее показаниям они вдвоем ушли из кино, оставив там Шевцову, и пришли к дому, где проживают Мельникова и Шевцова; она, Цыганова, осталась на улице следить, а Гуляева в это время открыла комнату Мельниковой ключом и вынесла узел с вещами и передала ей. На следующий день она эти вещи продала. Вырученные за них деньги они вместе с Гуляевой частью истратили на еду и разные покупки, а остальные поделили между собою. Основываясь на этих показаниях Цыгановой, а также на том установленном в судебном заседании факте, что не только Шевцова, но и Гуляева знала, где хранится ключ от комнаты Мельниковой, суд пришел к выводу что кражу совершила Гуляева, а Цыганова ей помогала в этом и в соответствии с этим вынес приговор.

Определение Верховного суда Азербайджанской ССР об отмене приговора по существу дела является правильным, но надлежало дело направить на доследование со стадии предварительного следствия, так как в судебном заседании выявились такие обстоятельства, которые не были расследованы, а

между тем имеют существенное значение для проверки показаний обвиняемых и установления истины. Как показала Цыганова, в кинотеатре, где были все три обвиняемые (раньше о присутствии там Цыгановой не было речи), находившаяся там же Володина Вера предложила Цыгановой увести Гуляеву и они действительно ушли с Гуляевой, а Шевцова осталась в кинотеатре. Это обстоятельство, которое имеет важное значение для установления того, участвовала Шевцова в краже или нет, надо проверить путем допроса в качестве свидетельницы Володиной.

Как уже отмечено, в судебном следствии установлено, что не только Шевцова, но и Гуляева знала то место, где хранился ключ от квартиры Мельниковой, но потерявшая Мельникова в своих показаниях в суде упоминает, кроме того, о ключе от шифоньера, в котором находились похищенные вещи. Согласно ее показаниям о месте хранения этого ключа знала также и Шевцова. Надо отметить, что, как указано в акте осмотра места происшествия, шифоньер, из которого похищены вещи, был открыт «путем отжима двери тупым предметом».

В связи с этим возникает вопрос, если Шевцова, которая знала о месте нахождения ключа от шифоньера, участвовала в совершении кражи, то почему участники кражи прибегли к взлому шкафа. Таким образом, и это обстоятельство имеет существенное значение и должно быть проверено.

Цыганова показала на суде, что из денег, вырученных от продажи похищенных вещей, они вдвоем с Гуляевой в тот же день истратили на пирожки и другие покупки 1000 руб.

В своей кассационной жалобе Гуляева утверждает, что она 21 декабря 1944 г. работала в протезно-механическом комбинате, в тот же день она была задержана (это подтверждается протоколом задержания) и поэтому показания Цыгановой о том, что они успели израсходовать 1000 руб., явно неправдоподобны. Эти возражения Гуляевой также требуют проверки. Наконец, в своих первоначальных показаниях, данных еще до признания своего участия в краже, Гуляева показала, что когда они вместе с Шевцовой возвращались из кинотеатра, и она отказалась от предложения Шевцовой переночевать у нее, то Шевцова заявила ей, что она обещала Мельниковой отнести белье в стирку и просила проводить ее. Когда они подошли к дому, Шевцова вынесла из дома какой-то узел и они пошли вместе до здания цирка, а затем разошлись. В связи с этими показаниями надо было допросить Мельникову, просила ли она Шевцову отнести белье в стирку. Таким образом, следует признать, что дело является недоследованным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Азербайджанской СССР и приговор народного суда 5-го участка Городского района г. Баку отменить и дело в отношении Гуляевой, Цыгановой и Шевцовой передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

17. Отклоняя ссылку суда первой инстанции на смягчающие обстоятельства, вышестоящий суд обязан привести мотивы, послужившие основанием к его выводу

Дело Швецова. Осужден Северо-Казахстанским областным судом по Указу от 26 декабря 1941 г. к условному наказанию. Определение от 12 мая 1945 г.

Швецов признан виновным в том, что он, работая на заводе Наркомата судостроительной промышленности, 8 февраля 1944 г. самовольно ушел с завода. Верховный суд Казахской ССР отмену приговора и направление дела на новое рассмотрение мотивировал тем, что суд неосновательно применил к Швецову ст. 53 УК РСФСР. Областной суд, применяя к Швецову условное осуждение, сослался на его молодость, первую судимость и обещание обвиняемого вернуться на завод. Верховный суд Казахской ССР не указал в сво-

ем определении, почему он считает эти мотивы, изложенные в приговоре суда о применении ст. 53 УК, неправильными. Из приобщенной к делу справки дирекции завода видно, что после освобождения из-под стражи Швецов возвратился на завод, работает в качестве токаря и к работе относится хорошо. При таких данных нецелесообразно заключать Швецова под стражу.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Казахской ССР отменить, оставив в силе в отношении Швецова приговор Северо-Казахстанского областного суда.

18. Отклоняя ссылку суда 1-й инстанции на смягчающие обстоятельства, вышестоящий суд обязан привести мотивы, послужившие основанием для его вывода.

Дело Старкова. Осужден Северо-Казахстанским областным судом по Указу от 26 декабря 1941 г. к условному наказанию. Определение от 12 мая 1945 г.

Старков признан виновным в том, что он, работая с марта 1943 г. токарем на заводе Наркомата электропромышленности, самовольно оставил работу. Получив на заводе отпуск по болезни с 17 июня по 2 июля 1944 г., Старков поступил на работу в радиоузел г. Петропавловска и по истечении срока отпуска на завод не вернулся.

Применение условного осуждения областной суд мотивировал тем, что осужденный молод, страдает заболеванием легких, судится впервые и что отец его находится в рядах Красной Армии.

Верховный суд Казахской ССР, считая применение ст. 53 УК к Старкову неправильным, отменил приговор областного суда, указав, что применение условного осуждения не обеспечивает борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности.

Определение Верховного суда Казахской ССР подлежит отмене по следующим основаниям. Возложенная на судебные органы задача борьбы с трудовым дезертирством и особенно с дезертирством с предприятий, работающих на оборону, путем применения установленных соответствующим законом мер наказания, отнюдь не исключает права суда при наличии исключительных обстоятельств признать нецелесообразным применение в отношении осужденного установленного законом лишения свободы и ввиду этого назначить ему условное наказание. Приговор областного суда по данному делу содержит указания на те обстоятельства, с учетом которых суд признал необходимым применить в отношении Старкова условную меру наказания. Верховный же суд республики не привел никаких доводов, в силу которых ссылка суда на эти обстоятельства должна быть признана неосновательной.

Поэтому, считая определение Верховного суда Казахской ССР неправильным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, определила:

Определение Верховного суда Казахской ССР отменить, оставив в силе в отношении Старкова приговор Северо-Казахстанского областного суда.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. За изъятое у граждан имущество, переданное для реализации государственной торговой организации, последняя отвечает в пределах вырученных от реализации имущества сумм

Определение № 318 1945 г. по иску Г. М. Шапиро к орсу № 3 Ташкентской ж. д.

12 августа 1944 г. народный суд 6-го участка Ленинского района г. Ташкента, рассмотрев дело по иску Шапиро к орсу № 3 Ташкентской ж. д. о взыскании 2500 руб. за реализованные продукты, решил взыскать с орса в пользу Шапиро 10 кг изюма и 5 кг яблок или их стоимость — 2000 руб. 20 августа 1944 г. Судебная коллегия Ташкентского областного суда решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что у Шапиро было изъято милицией 10 кг изюма и 5 кг яблок в связи с обвинением Шапиро в спекуляции. Изюм и яблоки были переданы милицией в магазин орса для продажи. Затем обвинение Шапиро в спекуляции отпало и по этим основаниям он потребовал возврата изюма и яблок в натуре или уплаты их стоимости.

Суд неправильно удовлетворил иск Шапиро, обязав орс вернуть фрукты в натуре или уплатить их стоимость по рыночным ценам. Поскольку фрукты были реализованы по государственным ценам, Шапиро вправе получить только вырученную от реализации фруктов сумму от той организации, в которую эти деньги поступили. Если магазин сдал вырученные деньги в райфо, то последний может быть привлечен к делу в качестве соответчика.

На основании изложенного СК по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда и определение областного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд.

2. Право на иск по делам из причинения вреда возникает с момента установления факта его причинения

Определение № 280 1945 г. по иску И. А. Мачабели к Тбилисскому трамвайно-троллейбусному управлению.

Мачабели 1 января 1944 г. обратился в народный суд с иском к Тбилисскому трамвайно-троллейбусному управлению о возмещении вреда в связи с полученным повреждением.

Народный суд 2-го участка Орджоникидзевого района г. Тбилиси определен от 13 апреля 1944 г. дело производством прекратил ввиду пропуска давностного срока. Это определение Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР 20 мая 1944 г. оставила в силе.

Протест Прокурора СССР об отмене определения народного суда и Верховного суда Грузинской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ст. 45 ГК Грузинской ССР, течение исковой давности начинается с того времени, когда возникает право на предъявление иска, в данном случае — с момента установления последствий причиненного повреждения.

Из материалов дела видно, что инвалидность истца Мачабели была установлена лишь в декабре 1943 г. Следовательно, с этого момента у него и возникло право на иск. Поэтому народный суд и Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР неправильно признали начальным моментом течения

срока исковой давности время причинения истцу телесного повреждения. Этот момент не всегда совпадает с моментом установления последствий телесного повреждения, как это имело место по настоящему делу.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 19 мая 1945 г. определила:

Определение народного суда 2-го участка Орджоникидзевского района г. Тбилиси от 13 апреля 1944 г. и определение Судебной Коллегии Верховного суда Грузинской ССР от 20 мая 1944 г. отменить и дело передать в тот же суд для рассмотрения по существу с участием прокурора.

3. Постановление СНК СССР от 5 августа 1941 года (СП 1941 г. № 17, ст. 342) не распространяется на работников железнодорожного транспорта, мобилизованных и закрепленных для работы на транспорте до конца войны

Определение № 207 1945 г. по иску М. М. Леванович к. А. П. Алисову и др.

Леванович предъявил в народном суде иск к Алисову и Ремонтно-жилищной конторе треста «Спецпромстрой» № 1 о возврате жилплощади, занимавшейся им до эвакуации из поселка Текстильщики.

Дело рассматривалось неоднократно. Народный суд 5-го участка Таганского района г. Москвы решением от 20 октября 1944 г. постановил выселить Алисова и спорную жилплощадь предоставить Леванович, обязав Ремонтно-жилищную контору «Спецстроя» № 1 предоставить Алисову другую площадь. Судебная коллегия Московского городского суда определением от 4 ноября 1944 г. это решение оставила в силе.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Мосгорсуда подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из справки, имеющейся в материалах дела, выданной Горкомхозом Люблинского городского совета депутатов трудящихся, видно, что Алисов вселен на площадь Леванович из дома, разрушенного от бомбардировки вражеской авиацией. Суд постановил выселить Алисова с площади Леванович по тем мотивам, что указанная площадь сохраняется за Леванович на основании постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г., как за военнослужащим.

В силу ст. 1 постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г., жилая площадь сохраняется на время войны за лицами, состоящими в рядах Красной Армии, Военно-Морском Флоте и войсках НКВД. Из дела видно, что Леванович является работником железнодорожного транспорта. Распространять действие постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г. на работников железнодорожного транспорта, которые на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. считаются мобилизованными и закрепленными для работы на транспорте до конца войны, нет оснований.

При новом рассмотрении дела суду надлежит руководствоваться постановлением ГКО от 30 мая 1944 г., согласно которому граждане, вселенные Исполкомом Моссовета и райисполкомами до 30 мая 1944 г. из разрушенных домов или разобранных деревянных жилых строений, а также на основании отдельных решений правительства на жилую площадь эвакуированных граждан, выселению из занимаемых ими помещений не подлежат, а гражданам, возвращающимся в Москву, предоставляется другая жилая площадь.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 31 марта 1945 г. определила:

Решение народного суда 5-го участка Таганского района г. Москвы от 20 октября 1944 г. и определение Московского городского суда от 4 ноября 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции с участием прокурора.

4. Приоритет заявки о техническом усовершенствовании и компетенция органа, которому было сделано предложение, имеют определяющее значение при установлении авторства предложения

Определение № 278 1945 г. по иску П. Н. Лаврушко к К. А. Апресову и др.

Старший инженер треста «Азизбековнефть» Лаврушко в декабре 1937 г. предложил тресту техническое усовершенствование: «Глубокий насос с канавками на плунжере» для борьбы с заеданием плунжера песком в условиях работы в песочных скважинах.

Это предложение было принято трестом и в августе 1938 г. Азербайджанскому нефтяному научно-исследовательскому институту было поручено исследовать работу насоса и испытать его для выявления эффективности внедрения его в промышленности в широком масштабе. В соответствии с этим указанием Азербайджанский нефтяной научно-исследовательский институт произвел испытание и исследование насоса.

Производившие испытание насоса работники института Апресов и Пирвердян подали заявление в Азнефтекомбинат о выплате им вознаграждения, так как считали себя авторами технического усовершенствования: «Глубокий насос с канавками на плунжере».

На этом основании Лаврушко обратился в суд с иском о признании за ним права авторства на вышеуказанное техническое усовершенствование и о выплате ему причитающегося вознаграждения.

Народный суд 1-го участка Ворошиловского района г. Баку решением от 17 октября 1941 г. постановил признать автором технического усовершенствования инженера Лаврушко. Судебная коллегия Верховного суда Азербайджанской ССР определением от 22 июня 1941 г. это решение оставила в силе.

Определением от 22 декабря 1942 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР решение народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменила и дело передала на новое рассмотрение по тем основаниям, что судом в достаточной степени не выяснен вопрос о том, является ли конструкция насоса, разработанная инженером Лаврушко, тождественной с конструкцией насоса, предложенной Апресовым и Пирвердяном, или же каждая из этих конструкций должна считаться самостоятельным техническим усовершенствованием. При этом Судебная коллегия указала, что для выяснения этого вопроса необходимо произвести техническую экспертизу.

При новом рассмотрении дела Верховный суд Азербайджанской ССР решением от 25 сентября 1944 г. постановил признать авторами технического усовершенствования инженера Лаврушко, а также инженеров Апресова и Пирвердяна.

По протесту Прокурора Союза ССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Заключением технической экспертизы, произведенной 20 сентября 1944 г., установлено, что оба предложения, представляющие собой техническое усовершенствование глубокого насоса применительно к условиям работы в песчаных скважинах, являются принципиально тождественными, так как в основу обоих предложений положена идея борьбы с заеданием плунжера песком с помощью винтообразной на всей длине плунжера прямоугольной проточной канавки. В предложении Лаврушко были указаны размеры канавки, но шаг винта автором указан не был. Между тем, без указания шага винта насос не мог быть изготовлен. Так как установление наилучших размеров канавки и выбор шага винта могли быть произведены только на основании теоретического и экспериментального исследования, то инженер Лаврушко и руководство треста «Азизбековнефть» неоднократно ставили вопрос об этом перед соответствующими органами нефтяной промышленности, вплоть до Наркомата нефтяной промышленности СССР.

Поскольку экспертизой подтверждено тождество технических усовершенствований, сделанных инженером Лаврушко и инженерами Апресовым и Пирвердяном, и установлено, что в основу конструкции инженера Лаврушко положен принцип проточности канавки, что оспаривали Апресов и Пирвердян, что Лаврушко были даны предварительные размеры канавок за исключением шага винта, какой шаг мог быть установлен только на основе теоретических расчетов и уточнен путем экспериментальных и исследовательских работ, у суда не было оснований признавать соавторами данного технического усовершенствования сотрудников научно-исследовательского института Апресова и Пирвердяна, хотя бы они тоже выполнили такую работу.

При наличии этих данных и учитывая, что инженер Лаврушко первый внес предложение о данном техническом усовершенствовании, которое было внедрено и в настоящее время применяется в нефтяной промышленности, о чем отмечено в акте технической экспертизы, автором спорного технического усовершенствования должен быть признан Лаврушко.

Принимая во внимание, что по делу имеются все доказательства для разрешения дела в коллегии и что дело привало затяжной характер, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 12 мая 1945 г. определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской ССР от 25 сентября 1944 г. изменить; признать автором технического усовершенствования: «Глубокий насос с винтообразными канавками на плунжере» инженера Лаврушко П. Н.; Апресова К. А. и Пирвердяна А. М. из числа соавторов этого усовершенствования исключить.

5. На основании ст. 67 Устава ж. д. СССР железная дорога полностью отвечает за сохранность принятого к перевозке груза и освобождается от этой ответственности по основаниям, указанным в ст. 68 того же устава

Определение № 379 1945 г. по иску Упродснаба Воронежского фронта к Управлению Московско-Донбасской ж. д.

15 декабря 1943 г. Московский областной суд, рассмотрев дело по иску Упродснаба Воронежского фронта к Московско-Донбасской ж. д. о взыскании 192 805 руб. в возмещение убытков от недостачи груза, решил взыскать в пользу Упродснаба Воронежского фронта 94 029 руб. с Московско-Донбасской ж. д. и 85 992 руб. с Московского спиртоводочного завода, привлеченного в качестве соответчика.

27 мая 1944 г. решение облсуда оставлено в силе Верховным судом РСФСР

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия признала, что дело частично подлежит пересмотру по следующим основаниям.

Мособлсуд признал, что за недостачу водки, следовавшей по накладной № 140470, смешанную ответственность несут как Управление Московско-Донбасской ж. д., так и отправитель груза. Между тем, применение смешанной ответственности в данном случае является неправильным, так как спор вытекает из договора железнодорожной перевозки и в силу ст. 68 Устава железной дороги СССР должен быть разрешен вопрос об ответственности дороги или отправителя груза, в зависимости от причин утраты груза или его повреждения.

В связи с этим решение суда и определение Верховного суда в части взыскания за недостачу водки по отправке № 140470 подлежат отмене, а дело пересмотру.

На основании изложенного СК по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 г. определяла:

Решение областного суда и определение Верховного суда в части взыскания по отправке № 140470 отменить и дело в этой части передать на новое рассмотрение в тот же суд с участием прокурора.

6. При разрешении дел по искам о расторжении брака имеет существенное значение то обстоятельство, что стороны фактически прекратили прежние и вступили в новые брачные отношения, в силу чего восстановление прежних семейных отношений является невозможным

(1) Определенне № 251 1945 г. по иску Ы. А. Кютть
к Кютть В. Г.

Кютть Ыия Александровна предъявила иск о расторжении брака с Кютть В. Г.

Судебная коллегия Верховного суда Эстонской ССР решением от 5 февраля 1945 г. постановила в иске Кютть Ыия Александровне о расторжении брака отказать по тем мотивам, что ответчик Кютть В. Г. оставил Эстонскую ССР не добровольно, а эвакуировался в связи с войной, борясь против оккупантов, что стороны состояли в браке всего лишь несколько недель, что муж истицы Кютть В. Г. согласен продолжать брачные отношения, хотя истица и возражает против этого, что истица не представила суду веских доказательств о необходимости прекращения брака и что несходство сторон нельзя считать причиной для расторжения брака, так как стороны жили вместе недолго.

Судебная коллегия признала, что протест Прокурора СССР об отмене решения Верховного суда Эстонской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Приведенные судом доводы, послужившие основанием для отказа в иске, не могут быть признаны обоснованными. По делу установлено, что супруги Кютть заключили брак в 1941 г., детей от брака у них не имеется. В 1941 г. Кютть В. Г. был мобилизован в Красную Армию и выехал из Эстонской республики, истица Кютть оставалась в Таллине. Кроме того, по делу установлено, что истица Кютть вступила в брак с другим лицом. Иск о расторжении брака ею предъявлен в связи с тем, что она желает оформить брачные отношения с другим мужем.

При наличии таких данных, когда фактические брачные отношения между супругами Кютть прекращены еще в 1941 г. и что истица уже живет с другим лицом, нет никаких оснований считать, что между супругами снова может быть создана нормальная семейная жизнь.

Указание Судебной коллегии Верховного суда Эстонской ССР на то, что ответчик В. Г. Кютть считает возможным продолжать совместную жизнь с истицей Кютть, не соответствует материалам дела. Из заявления ответчика Кютть, поданного в Прокуратуру СССР видно, что он больше не желает продолжать брак с истицей Кютть, так как считает продолжение брака невозможным, поскольку она живет с другим лицом, с которым ей необходимо оформить брачные отношения.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 7 апреля 1945 г. определила:

Решение Верховного суда Эстонской ССР от 5 февраля 1945 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же Верховный суд Эстонской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

(2) Определенне № 270 1945 г. по иску А. Варма к Э. Варма.

Судебная коллегия Верховного суда Эстонской ССР, рассмотрела дело по иску Варма Альберта о расторжении брака с Варма Элеонорой, решением от 13 декабря 1944 г. в иске Варма Альберту отказал по тем основаниям, что истец морально воздействовал на свою жену и тем самым вынудил ее согласиться на расторжение брака, что он не осознал того влияния, которое оказывает расторжение брака на воспитание его сына.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение Верховного суда Эстонской ССР подлежит отмене по следующим основаниям.

Приведенные судом доводы, послужившие основанием для отказа в иске, не подтверждаются материалами дела. Ничем по делу не установлено, что

согласие жены истца Варма Альберта на прекращение брака было вынужденным. В судебном заседании Варма Элеонора против расторжения брака не возражала.

Мотивы, представленные истцом, не могли быть признаны судом недостаточными для расторжения брака. Из объяснений сторон видно, что Варма Альберт с 1941 г. фактически не живет с ответчицей по настоящему делу. По обстоятельствам военного времени он вынужден был эвакуироваться, а его жена осталась в Таллине. Находясь в эвакуации, Варма Альберт вступил в фактические брачные отношения с другой женщиной и в настоящее время он желает оформить эти отношения путем их регистрации.

Сображения Верховного суда Эстонской ССР по вопросу о дальнейшем воспитании сына не могут быть признаны мотивом, обосновывающим невозможность расторжения брака, поскольку стороны с 1941 г. вместе не живут и истец фактически уже ряд лет состоит в другом браке. При этих данных у суда не было оснований считать, что между сторонами может быть восстановлена нормальная семейная жизнь.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 17 апреля 1945 г. определила:

Решение Верховного суда Эстонской ССР от 13 декабря 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же Верховный суд Эстонской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

(3) Определение № 375 1945 г. по иску Ш. Мурадова
к С. Мурадовой

29 января 1945 г. Верховный суд Азербайджанской ССР, рассмотрев дело по иску Мурадова к Мурадовой о расторжении брака, решил в иске отказать. Рассмотрев протест Прокурора СССР, Судебная коллегия признала, что решение Верховного суда Азербайджанской ССР подлежит отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Мурадов уехал от жены и не живет с нею с июня 1941 г., что, таким образом, брак между сторонами фактически прекратился. Отказ в иске о расторжении брака при этих условиях не может оказать влияния на благоприятное разрешение семейного конфликта между сторонами и, следовательно, брак между сторонами подлежит расторжению.

При разрешении дела по существу суду следует обратить особое внимание на обеспечение истцом детей, согласно Кодекса законов о браке, семье и опеке.

На основании изложенного СК по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 г. определила:

Решение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд по первой инстанции с участием прокурора.

7. Имущественные споры бывших супругов, состоявших до издания Указа Президиума Верховного суда СССР от 8 июля 1944 г. в фактических брачных отношениях, разрешаются на основании Кодекса законов о браке, семье и опеке

Определение № 229 1945 г. по иску М. Григорян
к В. Шахназарян

Григорян обратился в суд с иском заявлением, которым просил произвести раздел их общего имущества с Шахназарян, оставить при нем на воспитание их ребенка и присудить ему жилплощадь, состоящую из одной комнаты.

Народный суд 1-го участка Спандарянского района г. Еревана решением от 2 декабря 1944 г. иск Григорян удовлетворил полностью. Судебная кол-

дегия Верховного суда Армянской ССР определением от 18 декабря 1944 г. указанное решение отменила и дело производством прекратила.

Судебная коллегия признала, что протест Прокурора СССР об отмене определения СК Верховного суда Армянской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Указание Верховного суда Армянской ССР о том, что лица, состоявшие в фактическом браке до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., приобретают право обращаться в суд по вопросам о разделе их имущества и о том, при ком из супругов должны быть оставлены дети на воспитание, лишь после регистрации их брака в органах загса и оформления развода в порядке, установленном Указом от 8 июля 1944 г., является неправомерным. Указ от 8 июля 1944 г. лишь устанавливает, что лица, состоявшие в фактических брачных отношениях до издания Указа, могут свои отношения оформить путем регистрации и что после 8 июля 1944 г. только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные Кодексом законов о браке, семье и опеке.

Указ обратной силы не имеет и не отменяет законодательства относительно прав и обязанностей лиц, состоявших в фактических брачных отношениях до опубликования Указа от 8 июля 1944 г. Следовательно, имущественные споры бывших супругов, состоявших до издания упомянутого выше Указа в фактических брачных отношениях, должны быть разрешены по нормам Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Не может быть признано правильным решение народного суда и в части, касающейся вопроса о передаче ребенка на воспитание отцу, так как из решения не видно, чем суд обосновал удовлетворение иска в этой части. Из дела видно, что отец ребенка состоит в рядах Красной Армии и должен был выехать в армию.

При новом рассмотрении дела суд должен иметь в виду, что вопрос об оставлении ребенка у одного из родителей должен быть разрешен с учетом интересов ребенка, что при разрешении иска в этой части суд в качестве доказательств по делу должен иметь заключение отдела народного образования или отдела по охране материнства и младенчества.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 9 апреля 1945 г. определила:

Решение народного суда и определение СК Верховного суда Армянской ССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Армянской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

8. Пункт «г» ст. 113 ГПК не применяется в случае представления выданной военнослужащим доверенности на ведение в суде его дела

Определение № 265 1945 г. по иску Н. Т. Чеснокова к Заготживконторе.

Народный суд 4-го участка Кировского района г. Иркутска, рассмотрев дело по иску Чеснокова к Заготживконторе о взыскании 9230 руб., решением от 6 сентября 1943 г. постановил иск удовлетворить полностью. Судебная коллегия Иркутского облсуда определением от 24 сентября 1943 г. решение народного суда отменила и дело производством приостановила ввиду нахождения истца Чеснокова на службе в Красной Армии.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из дела видно, что истец Чесноков, уходя на службу в Красную Армию, выдал адвокату Я. Д. Почтовик нотариальную доверенность на ведение дела в суде, в связи с чем суд правильно принял дело к своему производству.

При наличии доверенности от истца военнослужащего на ведение в суде его гражданского дела у областного суда не было оснований для приостановления дела производством, поэтому при проверке правильности вынесен-

ного судом решения должен был дать ответ по существу предъявленного иска.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 17 апреля 1945 г. определила:

Решение народного суда 4-го участка Кировского района г. Иркутска от 6 сентября 1943 г. и определение Иркутского областного суда от 24 сентября 1943 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Иркутский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

9. При рассмотрении требований о восстановлении утраченного производства суд не входит в существо дела, а потому не может вынести нового решения об удовлетворении или об отказе в иске

Определение № 358 1945 г. по заявлению А. Г. Носовой

Носова обратилась в народный суд 1-го участка Ибресинского района Чувашской АССР с заявлением о восстановлении дела, рассмотренного народным судом 7 февраля 1944 г. о взыскании с Черняевой в ее пользу швейной машины, которое было утеряно после обжалования решения в Верховный суд Чувашской АССР.

Народный суд 1-го участка Ибресинского района 27 мая 1944 г. рассмотрел дело вновь и в иске Носовой отказал по тем основаниям, что спор идет о швейной машине, принадлежавшей ее дочери, которая иска не предъявляла и от которой истица доверенности не имеет. Судебная коллегия Верховного суда Чувашской АССР определением от 24 июня 1944 г. это решение оставила в силе.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Чувашской АССР подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что заявление Носовой было подано в суд о восстановлении утраченного судебного дела, а потому суду надлежало разрешить вопрос о восстановлении дела в соответствии с инструкцией «О порядке восстановления утерянных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам» (циркуляр НКЮ РСФСР № 9, 1925 г.) и приказом Народного комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР за № 35/175 от 25 мая 1942 г.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 25 мая 1945 г. определила:

Решение народного суда 1-го участка Ибресинского района Чувашской АССР от 27 мая 1944 г. и определение Верховного суда Чувашской АССР от 24 июня 1944 г. отменить и дело передать для рассмотрения в тот же суд.